

Александр Забусов

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
3-12

Серия «Попаданец»
Выпуск 72

Оформление обложки *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Забусов, Александр Владимирович

3-12 Лабиринт. Войти в ту же реку: роман / Александр Забусов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 448 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-117651-8

Подполковник Каретников, сгоревший в вертолете в Сирии в 2017 году, силой старого заклęcia вернулся в свое же тело.

Эпоха брежневского застоя. Встреча с родными, которых давно «потерял», волшебство, приключения и любовь... Это лишь начало лабиринта, но не конец. Только конец «золотого брежневского правления» не за горами, вот и пришлось Михаилу сразу после окончания школы снова столкнуться с работой спецслужб. Командировки, погони, встречи с тем, чего, казалось, не может быть в СССР, — это то, с чем он встретится, бредя по лабиринту новой для него жизни.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-117651-8

© Александр Забусов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть 1

ПЕРЕВЁРТЫШ¹

...у лабиринта есть душа и тело.
Тело — это стены лабиринта, а душа — дорожки,
ведущие или не ведущие к центру.
Войти — значит, родиться, выйти — умереть.

Милорад Павич.
«Шляпа из рыбьей чешуи»

Многие из нас до сих пор ностальгируют по брежневским временам, вовсе не считая их «эпохой застоя». В чём причина этой ностальгии? За ответом на этот вопрос корреспондент «АиФ» отправился в деревню Брежнево Калужской области.

Более или менее приличная дорога заканчивается за 25 километров до деревни. Дальше наша машина скачет по бетонным плитам и преодолевает лужи, снизив скорость до 20–30 километров в час. Два раза в неделю по этой дороге точно так же скачет рейсовый автобус из райцентра. Раз в неделю приезжают почта, лавка с хлебом и коммерсанты с товаром: макарон, крупы, консервы да разная одежда — рейтузы, кофточки, носочки...

Застой — отстой? Чем была для страны эпоха «дорогого Леонида Ильича»?

Мы приезжаем в Брежнево как раз в «хлебный день», когда жители выходят к дороге встречать гостей. Жителей тут осталось всего 21 — из более чем 300, живших в советское время. Между тем кануло в Лету не только большое население. Раньше в Брежнево были колхоз, школа, детсад, дом культуры, куда даже кино привозили, медпункт и магазин. Сегодня от всей экономики и социальной сферы осталась только маленькая библиотека.

¹ В книге использованы отрывки из текстов песен: «Соловьиная роща» (авт. А. Поперечный); «Марш коммунистических бригад» (авт. В. Харитонов); «Восточная песня» (авт. О. Гаджикасимов); «Бал выпускников» (авт. Э. Ищенко); а также текст песни «Напрасные слова» (авт. Л. Рубальская) и отрывок стихотворения А. Забавиной «В преддверье марта».

Фельдшер приезжает по графику — пару раз в месяц. Школа и детский сад превратились в руины, пустует здание ДК.

*Статья из газеты:
Еженедельник «Аргументы и Факты». № 42. 15/10/2014
Виталий Цепляев. «...кому — “эпоха застоя”,
а кому — лучшие годы»*

Пролог В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Снег за окном шел крупными пушистыми комками, при безветрии они тихо ложились на землю, увеличивая и без того высокие сугробы. Сидя в теплом зале, было приятно смотреть в оконное стекло. Народу не много, рабочий день, а на часах четырнадцать сорок пять. Благодать! И пицца сытная, вон мясо, прожаренное большим куском, с пюрешкой и зеленым горошком на плоской тарелке. И пиво вкусное, подано в высоком стакане. Всё, как он любит.

Деревенский гаштет со всеми атрибутами «земли Тюрингия». Тихая музыка не раздражала его. Откинувшись в кресле, закурил сигарету, сделав при этом добрый глоток пива. Из-за барной стойки легкой походкой вышла молодая женщина, по цвету волос натуральная блондинка. Они давно знакомы, зовут ее Ингрид. На лицо симпатяжка, только кость у бабенки широкая. Уже не раз почти в открытую предлагала ему встретиться в более интимной обстановке. Одинокая она. Чего этим бундесам нужно? Девка кровь с молоком, симпатичная, грудь третий номер, ну и все остальное как с картинки. Оно, конечно, ясно, что любовь к пиву и бытовая химия уничтожили у камрадов пару поколений. Но ведь не всех! Ведь не уродина она, чего они возле бильярдного стола трутся. Хотелось крикнуть молодым пузанам: «Смените ракурс настройки, не в ту сторону смотрите. И вообще ненормально это! Вам, козлам, вниманием бабенку приветить, усилить напор, и зуб даю, обязатель-

но даст!» Нет, катают шары по сукну, гогочут как кони, как мужчины — полный ноль. Опустилась старая бабка Европа ниже плинтуса, если даже в деревне «голубизна» из всех щелей прет. Куда дальше катиться?

Наклонившись над столом, при этом демонстрируя полноту и гладкость кожи своей груди в широком вырезе розовой кофточки, поменяла пепельницу на столе. Томно спросила приятным грудным голосом:

— Генрих, чего еще желаешь?

Вот так! И что ему?.. Глянул на прелести немки. Ответил, что он всем доволен и ему ничего не нужно, разве что пусть еще пива принесет. Отстала, отошла. Бог знает, что о нем подумала? Может, к местному стаду двуногих баранов причислила? Пусть! У каждого свои проблемы, и их решает каждый по-своему. Вот так!.. Теперь немецкая лялька будет наблюдать, когда стакан у него опустеет полностью.

Потянулся от удовольствия, направил взгляд за окно. Сосновая ветка уткнулась в стекло под тяжестью снежной шапки. Вдруг во всю эту безмятежную идиллию влились совершенно ненужные звуки. Обернулся. Эй! Ты что это делаешь, ущербный?

Бородатый немец, имевший большой пивной живот, подойдя к японскому магнитофону, вывернул ручку громкости на полную мощность. Уши наполнились неприятным звуком, прерывистым и мерзким. Нет, это не музыка, это...

Каретников поднялся из-за стола, пошел на выход. Толстый урод сломал весь кайф. Выйдя на воздух, из кармана анорака достал пачку сигарет, прикурил от зажигалки, после затяжки выпустил изо рта струю дыма. Расслабился. Снова связной не пришел на встречу. Рядом услышал ненавязчивое старческое покашливание.

В трех шагах, прямо возле лап высокой сосны у окна гаштета, стоял потешный старик, одетый в старинный армяк, времен покорения Потёмкиным Крыма, в лаптях, на голову напялен треух. Явно не немец. На лице старика выделялись нос-картофелина и улыбка, заблудившаяся в седой растрепанной бороде. Действительно расслабился, ведь поклясться готов, минуту назад этого деда здесь не было.

Старичок промолвил, как ни странно, на чистом немецком языке:

— Герр Мюллер, я уж заждался вас.

Ошалело всмотрелся в лицо сморчка. Нет, ранее точно не встречал это чучело в лаптях.

— Чего?

— Я говорю, неувязочка вышла. Время, отпущенное вам в этой реальности, закончилось. Оказалось, что решение по вам принято на самом верху, — старик поднял в жесте указательный палец, потыкал им в пустоту над головой, как бы утверждая всю значимость лиц, принимавших решение о судьбе человека, который до этого времени ни сном ни духом не подозревал о подобных раскладах. Неожиданно перейдя на родной Каретникову язык, по-деревенски развязно изрек: — Ты извини, милоч, будем расставаться.

Что за фигня такая? Откуда он может его знать? Провал?

Старый перец прощальным жестом прикоснулся пальцами руки к краю треуха. Отвернувшись, сделал шаг прочь. Исчез прямо на глазах. Каретников в полнейшей протрации помотал головой. Что это было? Повернулся к дороге и тут же зафиксировал зрачок ствола, одетого в глушитель, смотревший ему в лоб. Серый, неприметный мужчинка негромко оповестил: «Shot!»

Хлопок и вспышка, толчок в грудь...

Каретников открыл глаза. Борттехник вертолета Алексей Шмелев толкал его в грудь, тормошил за плечо.

— Иван Василич, подлетаем!

Ровный шум двигателя воздушной машины «забивал» посторонние звуки. Встретившись взглядом с глазами капитана, постарался перекричать напевный рокот движков, спросил, не сразу въехав в то, что ему пытаются сказать:

— Что?

— Подлетаем, говорю!

— А! Ну да! — закивал головой.

Перевел дыхание. Ф-фух! Приснилось или привиделось. Не было зимы и старушки Европы. Не было и в помине гаштета и ожидания связника. Направленного на него ствола

и вспышки выстрела тоже не было. Был всего лишь плохой сон. Да! Плохой сон.

Тыльной стороной ладони вытер обильные бисеринки пота со лба. Взгляд, брошенный на «попутчиков», окончательно выветрил наваждение увиденного, сон урывком, сморивший уставший организм.

Считай напротив него, на откидных сиденьях левого борта разместились два офицера, мужчина и женщина. Именно им он обязан был подвернувшейся оказии сократить расстояние по времени на своем маршруте.

Большая часть Сирии представляет собой пустыню, однако в районе Алеппо, где он «работал», местность своими видами сходна с Чечней. Куда ни взгляни, кругом довольно высокие горные кряжи, покрытые лесом, добавить сюда различного рода военные группировки оппозиции, а «воздушная дорога» сейчас для него была самым предпочтительным вариантом облегченного передвижения по провинции. Только все рассуждения о ценности жизни человека его специальности теряют смысл, если российское командование готовится к штурму городских кварталов Алеппо. Повезло! Эти офицеры были представителями штаба российского Центра примирения враждующих сторон в Сирии и летали с грузом продовольствия в один из административных округов страны. Парня он еще «до событий» видел в родном управлении. Судя по тому, что тот его тоже узнал, молодой офицер обладал тренированной памятью на лица, сразу вспомнил попавшего на глаза «сирийца», но виду не подал. Без посторонних смогли перебраться парой фраз.

Через полтора часа вертолет оторвался от земли, но в пяти километрах от населенного пункта резко сел. Плановый вылет разведки под видом гуманитарной операции вплел в канву мероприятия незапланированное отклонение от маршрута. На переборску «Ивана Васильевича» куратор дал разрешение.

Командир Ми-8, тридцатитрехлетний капитан Роман Качалов, отвернул машину к новому заданному району. В душе летчика тихо звякнул колокольчик предчувствия,

но офицер погасил возникшее сомнение. Приказы выполняются, а не обсуждаются. Со времен войны в Афганистане существует кровью отработанное правило: каждый вылет Ми-8 должен быть прикрыт минимум парой Ми-24. Последнему проще ускользнуть даже от «Иглы», поскольку он оснащен системой ЭВУ, делающей невозможным его захват по инфракрасному излучению, конечно с дистанции более чем полтора километра. На «восьмерках» такой системы нет, однако командование постоянно посылает эти транспортные машины на задание без сопровождения. Что, ударных вертолетов не хватает? Командование на земле, скорее всего, полагается на авиационный комплекс индивидуальной защиты «Витебск», создающий вокруг вертолета электронный купол. Но на весь полет бортового запаса ППИ-2, как правило, не хватает. Отстреливать тепловые ловушки необходимо только в опасных местах. Однако где над горами, покрытыми «зеленкой», возьмутся эти безопасные места? То-то!

Качалов вспомнил, как еще «дома» один из старших товарищей, прошедших чеченскую кампанию, обмолвился, что порой единственной защитой от ракет являлся борт другого вертолета, прикрывавшего напарника. Вот тот товарищ однажды засек пуск ракеты по набитому людьми Ми-8 и чудом сумел за считанные секунды подставить под зальп свой борт, где в кассетах было еще несколько не отстреленных ловушек. Тогда повезло лишь потому, что выстрелили по ним «Стрелой» — не такой «умной», как «Игла». Вот и выходит...

Голос штурмана вихрем ворвался в головные телефоны:
— Командир, ракета!..

Во время выстрела вертолет находился на высоте около двухсот метров. Снаряд угодил в правый двигатель воздушного судна, после чего вертолет загорелся и камнем свалился вниз.

Уже понимая, что это последний миг жизни, что жар пламени в отсеке не погаснет, что вряд ли свершится чудо и вертолет сможет удержаться от падения, Каретников вспомнил слова покойного уже деда. «Почувствуешь, смертный час приходит, ломай ладанку. В ней одной заключена для тебя

возможность что-то в прожитой жизни исправить». Тогда, по молодости, подумал о странности старика, надевшего на шею внуку шнурок с кругляком медальона из светлого металла, с непонятным рисунком и рунами на нем. В создавшейся кутерьме, сунув руку за пазуху, зажал в кулаке крохотное кружало, что было сил сдавил его. На удивление, металл оказался хрупким. За секунду до гибели почувствовал, что всю жизнь носимый на теле кружок раздавлен в труху...

«Катастрофа» с вертолетом случилась над территорией, контролируемой боевиками так называемой «умеренной» сирийской вооруженной оппозиции, а по сути, бандформированием, которое ничем не отличается от террористов ИГИЛ или «Джехаб ан Нусры». Ну, разве только тем, что эту «умеренную» оппозицию поддерживают США и поставляют им оружие.

Спустя несколько часов сирийское информационное агентство STER распространило несколько видеозаписей с места крушения вертолета. На снятых кадрах хорошо заметен бортовой номер сбитого вертолета — RF-97787. В реестре российских воздушных судов этот бортовой номер закреплен за вертолетом Ми-8АМТШ, который приписан к новосибирскому аэропорту «Толмачево».

На трагическую новость, поступившую из Сирии, пояснением разродился и Кремль. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков высказался перед журналистами:

— Там разбился наш вертолёт, который осуществлял гуманитарную миссию и был сбит с земли. Те, кто был в вертолёте, погибли героически, пытались отвести машину, чтобы минимизировать жертвы на земле. В Кремле глубоко соболезнуют всем близким погибших военнослужащих. Это случилось 1 августа в провинции Идлиб. Винтокрылая машина возвращалась на авиабазу «Хмеймим» после доставки гуманитарной помощи жителям города Алеппо. Пока известно лишь, что вертолет боевики обстреляли с земли. Но была ли это ракета переносного зенитного комплекса или очередь крупнокалиберного пулемета — пока неясно. Это установит комиссия, которая прибыла на место крушения...

Глава первая

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО — ПОЛОВИНА ДЕЛА

Все кончилось, или все для него только началось? И все же вот теперь стало непонятно, было ли все на самом деле?

Маленькая искорка в ночи, в бесконечности вселенной, несущаяся через мириады звездных скоплений, туманностей и пыльных космических бурь, не могла быть никем замечена. Неслась она с невероятной скоростью непонятно куда и... зачем.

Мысль... Мысль преобразовалась в вопрос: «Куда?», посылая сигнал-запрос в бесконечность. Ответом на запрос явилась не то подсказка, не то определение рамок возможного, доступного знания.

«Прошлое, настоящее, будущее соприкасаются, поэтому выход есть всегда. Ищи выход, подумай о доме, и тогда душа, скорее всего, вернется в тело...»

В тело? В какое тело? Ведь он же...

Мысль помимо воли «окуклилась» подсказкой, «разродилась» воспоминанием. Дом! Отчий дом в тихом переулке, с высокими заборами, порослью кустов, тополей, вишневых деревьев и грецких орехов, листва которых в самое жаркое лето затеняет калитки и ворота, ведущие во дворы. Рука отца на его плече, улыбка мамы, дед ослабилась и смотрит... Дед! Дед с сарказмом смотрит на него. Что?..

Картина видения резко меняется. Его несет в пространстве, заполненном необыкновенно ярким, но ласковым и не режущим глаза светом. Ощущение огромной радости и душевного подъема. В этом море света возникает светящийся же и еще более яркий коридор. Он летит по нему. Размытая светлая сущность с контурами фигуры человека прерывает полет. Все, что происходит в его сознании, кажется торжественным и неторопливым. И вроде бы как слышимый голос — торжественный и тоже неторопливый, вещает:

— Посмотрим и решим, что делать дальше.

Кажется, в самом сознании пошла картинка, оторванная от чего бы то ни было. Тот, перед кем он предстал, кто имел

право распорядителя, кто властвовал в этом то ли крохотном, то ли бесконечном мире, показывал ему «мультики». А еще при том показе в сознание закралось ощущение пристального, изучающего взгляда, он будто голый под микроскопом. Но эти картинки-мультики... Отвлекся. Забыл про все на свете. Ему показывали этапы развития его же самого, его прошлое... ..И не только его. Еще перед сознанием пронеслись этапы развития страны, в которой он жил, вернее, того отрезка времени, в котором он жил.

Яркие красочные воспоминания шли чередой, сменяя друг друга. Вот он ребенок, счастливая мать держит его на руках. Вот он... Все виденное им пронеслось с бешеной скоростью и все равно гнездилось в сознание. Восприятие полное, захочешь, не отвлечешься. Внезапно в сознание ворвался посторонний звук, напомнивший ему звук сирены, заставивший оторваться от созерцания...

Что происходит? Показалось или на самом деле свет в помещении претерпел какие-то изменения? Услышал, кажется, не предназначенный для него разговор.

— Аврал!

— Что у вас?

— Контур переполнен. Кто-то совершил огромного объема сброс душ в систему.

— Разобрались?

— Нет, но уже разбираются. Необходимо повысить скорость сортировки. Заканчивай с этой элементарью, готовься к приему следующих. Сейчас подошло оперативную бригаду исполнителей.

Он возмутился. Как заканчивай? Как же с ним? Куда подевалась торжественность момента? Почему-у?..

Между тем переговоры еще не завершились. Его «приемщик», как ни странно, уперся, сделал попытку пойти в отказ:

— У меня случай особый! Редко попадается такая душа.

— Сбрось его в «Серую зону», потом разберешься.

— В прошлый раз к «потом» вернулись только через триста лет. Забыли... А у этой души ко всему прочему еще и какой-то закрытый блок имеется, нужно время...

— Тогда частично сотри память и отправляй «в работу»!

— Эх!..

— Открываю шлюз. Принимай!

Его вырвали из «прослушки» непонятого разговора. Снова зал, скомканная торжественность обстановки, расплывчатый контур «организма», теперь уже понятного ему. «Работник приемки и распределения» собственной персоной. Почувствовал напор посторонней энергии с той стороны, откуда его сюда занесло. Этот поток, напирая, готов вот-вот, как воздушный шарик, вытолкнуть его прочь. В сознание закралось волнение. Что сейчас может случиться? Задал вопрос:

— Что дальше?

Пришел ответ, больше походивший на удаление назойливой мухи от стола с продуктами.

— Иди!

Напор усилился, не позволяя толком что-либо осознать, осмыслить, получить хоть какую конкретику в ситуации.

— Куда?

Жест, указывающий направление в сторону нового светового коридора, а в «спину» уже толкают.

— Иди!

Подчинился. Пошел. Нет, не так! Его пинком, силовым потоком выбросили в тоннель, похожий на «кишку» воздухопровода. Скорость! Если б было чем, орал благим матом, а так... только в своем сознании вопил:

— А-а-а-а!

Снова набранная скорость движения замедляется. Похожая на прежнюю, светящаяся сущность затормозила процесс движения. Показалось, попал в огромный зал, освещенный лимонным светом. Гигантский купол держится на огромной световой колонне. Сущность сидит на троне под этим световым балдахинном. Страха нет. Да и откуда бы он взялся? В себя толком прийти не успел. А еще он точно знает, можно задать вопрос. Необходимо задать. Нужно успеть задать, пока «эти», ну, которые «за спиной» подпирают, которые в этой богадельне аврал устроили, не налетели.

Спросил по-военному прямолинейно, осознавая, что на него прежнего это не похоже:

— В чем заключается моя задача?

Ему ответили, судя по всему, тоже экономя час:

— Возможность жить второй раз. Мы не можем вмешиваться в произошедшее с тобой. Задачу определишь для себя сам. Если выйдешь за рамки дозволенного, тебя поправят новым уроком.

— Но почему я?

— Узнаешь! Тебе пора.

Жест-направление. Поток света подхватил его, выбросил в ночь к звездам. Понес! Понес, и... темнота.

...Как через вату услышал давно подзабытый голос отца, узнал его мгновенно.

— Все живы?

Звуки шевеления где-то совсем рядом и... обеспокоенный голос матери.

— Миша!.. Миша, ответь! Что с тобой? Где болит? Миша!

Это мама кричит и тормошит его тело. Разлепил глаза. Точно. Мама! Молодая, красивая, его мама! Что происходит? Он сходит с ума? Так ведь умалишенным быть уже поздно, когда вертушка гробанулась, от пожара и взрыва от них всех мало чего осталось. А он, видишь ли?! Здесь! Вполне живой и здоровый.

— Миша!

Н-да! Точно, мама. Только все они в перевернутом положении находятся. Судя по всему, в их же машине. Что за?.. Но нужно успокоить мать и отца заодно.

— Все в порядке, ма! Со мной все в полном порядке. Батя, выбираться нужно. Не дай бог, бензин на раскаленный коллектор попадет. Так пыхнет, что костей не соберем!

— Вита! Чего разлегся? Открывай дверь! Вытаскивай нас.

Вот теперь точно в себя пришел. Какие на фиг глюки? Мудрено маман не воспринять, при ее-то манере поведения. Вечно командовала батей.

Выбрались из машины. Двадцать первая «Волга», цвета слоновой кости, с оленем на капоте, лежит крышей вниз на траве недалеко от дорожной обочины. Двигатель заглох, но видимых повреждений не наблюдается и бензин не сифонит.